

ОСИЯННЫЙ ЛЕГЕНДАМИ РАДОНЕЖ

Елена Панина

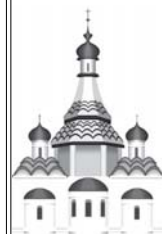
Горок километров от Московской кольцевой по федеральной трассе «Холмогоры». Москвичи привычно зовут её Ярославкой — Ярославль ближе и теплее, как по климату, так и по родству душ, чем суровые северя. А для паломников это была и ныне есть Дорога в Троицу, как бы по ней ни двигаться. Пешком, как подобает странствующему по святым местам, с редкими остановками на постоянных дворах (путевые дворцы — это не для простых смертных), ускоряя шаг в лесных чащах, где не ровён час встретишь лихих людей. Или на автотранспорте, продираясь сквозь современные урбанистические заросли городов-спутников Москвы: Мытищи, Пушкино, а у каждого спутника — свои спутники... Но вот городской улей позади, кончилась Москва, начинается Россия: леса, поля. Маяки храмов. Сорок километров от кольцевой. Храм справа — храм слева. Справа — Воздвиженское, слева — Радонеж.

Дорога зовёт вперёд... Зовёт паломников в Троицу, любителей изящных искусств — в Абрамцево, обещает дальние дали, манит в весёлый Ярославль, в румяную Вологду, в те же Холмогоры... Но кто бы ты ни был, путник, куда бы ты ни направлялся — притормози. Ты в удивительном месте. Каждой клеточкой ощущается здесь спокойное достоинство, смиренное величие — без столичного пафоса и шумных споров, кто русским городам мать, кто им папа. Может, и не отсюда есть пошла Русская земля,

но именно отсюда она пошла такой, какая она есть сейчас.

Седые валы осунулись и кажутся складками холмов, но это именно валы; мелководная ныне речка Пажо охватывает их с трёх сторон замысловатой петлёй — идеальное место для древнего города. Что люди здесь жили очень давно, видно уже из имени: Радонеж — притяжательное от былинного языческого имени Радонег, а археологические находки показали следы дьяковской культуры — значит, поселению не меньше тысячи лет. В XIII веке местность облюбовали ордынские баскаки, ушедшие глубоко в местный фольклор и топонимику; тридцатью вёрстами западнее закончил свой исторический путь ханский брат Дюдень, организатор небезызвестной одноимённой «рати»; а сам Радонеж впервые упоминается в духовной грамоте Ивана Калиты, оставленной им в 1328 году перед очередной поездкой князя в Орду (суровые реалии той эпохи требовали всякий раз составлять завещание, отправляясь в дипломатическое турне на восток).

Практически в то же время в Радонеж переселился некогда весьма богатый боярин по имени Кирилл, к этому времени уже разорившийся. Кирилл приехал в Радонеж вместе со своей семьёй — женой и тремя сыновьями. Одному из них — Варфоломею — на роду было написано стать поистине великим человеком, духовником земли Русской, известным всем православным под именем преподобного Сергия Радонежского.

Точной даты рождения Сергия не сохранилось — историки полагают, что он родился между 1313 и 1322 годами. Однако в современных житиях принято указывать, что это событие произошло в 1314 году в окрестностях Ростова Великого, где ныне Варницкий монастырь. Его мать — Мария — сразу поняла, что носит под сердцем не обычное дитя. В жизнеописаниях Сергия повествуется о том, что однажды, когда Мария была в храме, ребёнок трижды прокричал в утробе, после чего мать всё время соблюдала строгий пост. Да и родившись, младенец предпочитал поститься по средам и пятницам.

Когда Варфоломею было семь лет, его начали обучать грамоте, но учёба не давалась мальчику. И вот однажды отрок встретил в поле молящегося старца. Вежливо дождавшись окончания молитвы, Варфоломей рассказал монаху о своих неудачах, и тот, дав отроку просфору, благословил его. А Кириллу и Марии сказал, что сын их станет «обителем Святой Троицы и многих приведёт вслед за собой».

Вопреки устоявшемуся мнению, встреча эта произошла не в Радонеже, а под Ростовом. Но народную молву не переспоришь, и легенда сильнее истории. Специально в окрестностях Радонежа поселился, чтобы живописать встречу на холсте, проникновенный Михаил Нестеров; многим знакома эта картина, быть может, самое известное из полотен художника. А зримое присутствие памяти — простая, но невероятно ёмкая скульптура Вячеслава Клыкова, автора памятников многим православным святым — Кириллу и Мефодию в Москве, княгине Ольге в Пскове, Серафиму Саровскому в Курской Коренной пустыни... Вот и в валах древнего Радонежа стоят мальчик и инок, точнее — мальчик в иноке, словно в далёком тысяча-триста-непамятном году в загадочном молящемся старце встретил отрок Варфоломей самого себя.

Слова старца оказались пророческими. Мальчик стал усердно и успешно учиться, церковные книги он предпочёл играм и детским забавам (что, кстати, не очень-то

нравилось его родителям), а после избрал себе путь инока. Когда родители Варфоломея умерли, он вместе с одним из своих братьев отправился искать себе место для пустынножительства. Приглянувшееся им место находилось на отшибе от всех дорог, на холме, который местные жители называли Маковкой. Вскоре, правда, брат переселился в Московский Богоявленский монастырь — «не выдержал пустынной жизни», говорят жития. А Варфоломей принял постриг под именем Сергия.

В «Рассказах из истории русской церкви», написанной в XIX веке известным духовным писателем М.В. Толстым, отмечается, что молодой человек (а Сергию тогда было 24 года) долгие месяцы был обуреваем всеми мыслимыми страхами: жил в келье абсолютно один, его мучили жара и холод, голод и жажда, неведомые голоса гнали его прочь. Но в молитве и посте он находил утешение, и даже дикие звери не трогали отшельника. Более того, однажды к келье Сергия пришёл голодный медведь, и монах разделил с ним свой единственный кусочек хлеба...

Постепенно к Сергию потянулись и люди — за советом и спасением, кто-то селился рядом с пустынником, и через некоторое время на холме появилось уже более десятка келий, которые обнесли оградой. Так возникла обитель Святой Троицы — будущая Троице-Сергиева лавра. Вопреки своему желанию, Сергию пришлось стать её игуменом — так просили братия, так решил митрополит...

Шло время, Сергей приобретал всё больше уважения и влияния. К нему обращались за советом князья из разных земель. В результате, благодаря, как теперь бы сказали, миротворческим и дипломатическим способностям настоятеля, многие из них примкнули к войску московского князя Дмитрия Ивановича, когда пришло время противостоять войску ордынскому. Сам Дмитрий приехал к Сергию, чтобы испросить его благословения на битву с татарами, ведь было известно, что тот обладал пророческим даром. И Сергей сказал, что если Бог поможет, то князь победит и невредимым вернётся домой с великими почестями.

Расклад на Куликовом поле был отнюдь не в пользу наших войск. Силы Мамай превосходили как минимум вдвое; за хорошую плату татар поддержали генуэзские наёмники, с тыла поджимали литовцы... Требовалось наголову разбить противника в быстрой битве, иначе — верная гибель всему войску. Но когда русские дружины увидели многочисленную татарскую орду, они остановились в нерешительности. И тогда примчался к ним гонец от Сергия с точным предсказанием победы. Более того, Сергей прислал Дмитрию Донскому и двух вооружённых иноков — Пересвета и Ослябю. Оба героически погибли — один в знаменитом поединке с татарским богатырем Челубеем перед началом битвы, а второй уже в ходе сражения, защищая знамя своего полка.

...Горечь тохтамышева разорения не могла затмить радости от победы в Куликовской битве. Впервые русские войска смогли не просто достойно противостоять, но одолеть Орду. Раздробленная аморфная масса удельных княжеств спрессовалась в кристалл, Улус Джучи дрогнул и дал трещину, через которую, как цветок сквозь асфальт, вновь проросла Русь. Победа принесла Сергию истинно всенародное почитание, канонизация стала лишь официальным подтверждением свершившегося факта. По сей день, когда говорят — Преподобный, просто Преподобный, даже без имени, — каждому православному человеку понятно, о ком идёт речь...

Осенённый великим именем, Радонеж рос и развивался. Принадлежал Серпуховскому удельному князю Владимиру Храброму, второму из князей-москвичей, кто удостоился почётного прозвания Донской (Владимир, совместно с воеводой Боброком-Волынским, командовал ключевым подразделением русских на Куликовом поле — засадным полком). После его смерти (1410) Радонеж сам стал удельным центром, где княжил сын Храброго — Андрей Владимирович. Он прожил недолгую жизнь, умер от моровой язвы, но успел превратить Радонеж в хорошо укреплённый пункт: при нём как раз и были насыпаны валы, дошедшие до наших дней.

Эпидемия унесла жизни не только князя Андрея, но и всего княжеского дома; после 1426 года Радонеж принял его племянник Василий Ярославович, тоже из Серпуховского дома. Судьба этого князя печальна и показательна — как часто в пору борьбы за власть завоевавшие её забывают своих благодетелей, руководствуясь «политической конъюнктурой». Василий Серпуховской был шурином Василия II Московского, в то время ещё далеко не Тёмного. Честно воевал с татарами и с Литвой, а когда Великого князя сверг Дмитрий Шемяка, остался верен низложенному правителю, с Шемякой дел вести не стал и ушёл к бывшим противникам — литовцам. Те, надо отдать им должное, оценили боевые заслуги князя, дали ему солидный удел — Гомель, Стародуб и Брянск.

Брянском, кстати, Василий потом «поделился» с другими московскими князьями-изгнанниками. В новой вотчине, «в эмиграции», почивать на лаврах не стал — сколотил коалицию из сторонников Василия Тёмного, двинул поход на Москву (1446), поспособствовал не только свержению Шемяки, но и временному примирению бывших противников. В 1449 году Василий отказался от литовских владений, предпочтя оставаться русским князем. Но возвращённый на московский престол Тёмный недолго помнил заслуги своего свойственника. Боясь его растущего авторитета не только в России, но и в Литве (связито остались), уже в 1456-м под надуманным предлогом сослал Василия Серпуховского в вечную ссылку — сначала в Углич, а потом ещё дальше — в Вологду. Проведя в заточении 27 лет, Василий Ярославович умер. Это было в 1483-м, спустя 21 год после смерти Василия Тёмного...

...А Радонеж отошёл под прямое начало Москвы. Сын Тёмного — Иван III — сделал его центром уезда, перевёл сюда из Троицы ярмарку, в общем, всячески способствовал экономическому развитию города, что и завещал своему наследнику. Василий III устроил в Радонеже большую ямскую станцию, однако уже при Иване Грозном поселение стало приходить в упадок — другие были приоритеты у первого русского царя.

Шанс у города, впрочем, оставался, если бы не Смутное время. Рвавшийся к Троицкому монастырю Ян Сапега попутно спалил дотла не сильно укрепленный Радонеж. О стены обители святого Сергия сапегинцы и разбились, но Радонежу это уже не помогло.

После Смуты он так и не восстановился, оставшись то «Радонежским городком», то просто Городком — при Советах так и назывался, словно сама История помогала большевикам вымарать со своих страниц имя святого Сергия. Да и сейчас Радонеж, хоть и вернувший себе историческое имя, — мягко сказать, невелик. Не стой тут с XIX века изящная классическая церковь Преображения — и не зацепился бы взгляд незнающего проезжего за осунувшиеся валы. В бывшем детинце — сельское кладбище, немногочисленные местные втихую подрывают могилками древние укрепления. Мёртвых в нынешнем Радонеже

больше, чем живых. Разве что дачники да туристы создают порой ощущение людности, да и то — какой-то неотсюдашной.

И всё-таки Место живо! Города нет — но как захватывает дух, когда показывается из-за поворота белая церковка! Ведь вроде и ждёшь её, а всякий раз сердце стучит, как при встрече с вернувшимся из дальнего похода другом. Вернее — не так: это ты возвращаешься из дальнего похода, а Место — ждёт и встречает тебя. Оно не сдвинется, и не властны над ним ни интервенты-поляки, ни доморощенные дети лавочников, ни просто не помнящие родства иваны, которые вроде и ничего плохого не делают, а всё равно получается плохо. Место ждёт и дышит, встречает — и делится со встречным чем-то глубоко сокровенным, что пронесло через века памяти и беспамятства. На то оно и Место, чтобы стоять на своём.

